

Петербургский институт иудаики

ОЗЕРНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Труды IV летней школы
на Карельском перешейке
по текстологии и источниковедению
русской литературы

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2007

«Словесная речь» в прозе В. И. Даля как комментарий к словарю

Проза Даля для современного читателя — выставка слов, памятник живой разговорной речи. Слова, которых больше нет, и вещи, которых больше нет, вдруг возникают перед нами из рассказов Даля, как раннее утро в неведомой или заново открываемой стране: «Заря занималась. Божий мир, после законного отдыха, собирался отряхнуть студеную росу с век своих и оживал для дела, для труда и работы. Думаю, что в окрестных селах босые ноги уже спускались с полатей, кутников, коников, голбцев, лавок и печей; что гласная позевота и тихая утренняя молитва просыпались и что тут и там костистые кулаки спросонья старались попасть в рукава зипуна и сермяги».

Перечисление разных названий фактически одних и тех же предметов (кутники, коники, голбцы) избыточно, не несет на себе функциональной нагрузки, слова расставлены, как украшения на витрине.

Само выражение *словесная речь*, можно сказать, «программное» для Даля, на первый взгляд избыточно. Но оно содержит важное указание на слово как нечто отдельное, самоценное, материал, без которого у речи остается только информативность. В статье «О наречиях русского языка» Даль писал: «Нет мысли и нет думы, нет наречия без слов, плотская природа наша не дает духовному началу в нас никакой власти без словесной речи»¹. Иначе, слово — это вещественная форма речи. И эта форма — то, *как, чем* человек говорит — является важнейшим объектом и средством художественного изображения у Даля. Одной из главных задач Даля-прозаика оказывается актуализация нового словесного и «предметного», «вещественного» материала — знаков социально-бытовой среды, ранее закрытой для литературы (завоевания натуральной школы).

В прозе Даля трудно не заметить определенной тенденции к предварительной селекции и «каталогизации» речевых средств, упорства и увлеченности собирателя, памяти и сноровки языковеда. Однако художественная проза представляет слово в иной перспективе, нежели словарная статья. Ее можно назвать своего рода иллюстрацией, развернутым в сюжет комментарием к языку. В ней качества Даля-собирателя и составителя словаря сочетаются со стремлением за-

печатлеть разговор в его течении, речь с ее неповторимой окраской, свойственной данному человеку. Несмотря на свою новеллистичность, проза Даля следует за языком, за разговорной речью в гораздо большей степени, чем за сюжетом. Повествователь (рассказчик) в рассказах Даля часто предстает как собиратель, фольклорист или этнограф, он в основном слушает (и записывает, как можно догадаться), «фиксирует» действительность — действительность живого языка. Персонажи-рассказчики выступают в роли своего рода «информантов», «трансляторов» языка и речи. Мысль Бахтина, высказанная в связи с героями Достоевского, о том, что «замысел автора о герое — замысел о слове»², может быть применена и к героям Даля. У Даля слово представляет ценность само по себе, а герой говорит сам за себя.

Основной вопрос, который возникает от впечатления «отдельности», самоценности языковых единиц в далевской прозе — что для Даля первично, фиксация живой разговорной речи или актуализация собранного языкового материала, что становится импульсом к созданию рассказа или новеллы — увиденное и услышанное или стремление разработать в потоке повествования отдельные слова, фразеологизмы, пословицы, поговорки и т. п.

Иногда устное слово в своем развитии влечет за собой повествование, становится поводом для повествования и как только оно иссякает — повествование заканчивается. Так, например, начинается «Двухаршинный нос»: «Ну, извозчик, теперь мы с тобой выехали на простор: за рогаткой не будет езды такой, как в городе, и разговориться тебе свободно: сказывай же!» Весь этот небольшой рассказ сводится к диалогу — так, что произведение равняется фрагменту речи, и по времени (протяженности), и по содержанию: рассказ дословно приравнивается к фрагменту жизни.

Иногда на первый план выходят сюжетообразующие возможности того или иного слова или предмета: социально, диалектно, профессионально окрашенного слова, части жизни и социально-знаковой системы быта извозчиков («Двухаршинный нос»), купцов («Отец с сыном»), охотников («Рогатина») и др. Например, в заглавие рассказа об охоте на медведя выносится «профессиональный инструмент» охотника, описанию которого уделяется большое внимание: «Рогатина у дедушки Герасима, как у знаменитого медвежатника, была, в сравнении со сверстниками, знатная: длиною, с трубкою, четверти в три, шириною перста в три и добре наварена сталью. Такая рогатина была на диво прочим» и т. д. Таким образом Даль вовлекает в сферу

литературного языка не только новые слова, но и новые вещи, новые материальные, вещественные пласты жизни. Слово, описывая предметы, материализуется; а предметы, облекаясь в слово, обретают вторую, литературную, жизнь.

О принципиальной «вещественности» далевской *словесной речи* свидетельствует, например, фрагмент рассказа «Бред»: «Ученье, как всем вам известно, необходимо, чтобы суметь дать ответ во время испытаний; уметь носить кафтанишко свой лицом наружу, а ничкой в себя, еще нужнее, потому что ходить по белу свету в вывороченном наизнанку кафтане, нельзя. Посему покойник и навыкал, как словесная тварь, к словесной речи— это лице кафтана — а как разумная тварь, к различению слова от дела, или, что одно и то же, чувств и мыслей от слова; это ничка, изнанка, которую всяк бережет про себя». Получается, что речь — это одежда, оболочка, форма, свойственная всякой словесной твари, в отличие от мыслей, чувств и дел, как бы изнанки этой одежды. И Даль в своих рассказах и повестях тклет такие «кафтаны», возможно, заботясь прежде всего об их речевой ткани, «украшая» ее пословицами, поговорками, прибаутками.

Иногда эта «орнаментальность» и чисто эстетическая функция разноречий оборачивается и практической стороной, и тогда повествователь особенно гордится своей языковой коллекцией и своим «профессионализмом» в области языка и речи. Таков рассказ «Говор», где способность героя-повествователя различать диалектные особенности речи позволяет сначала угадать происхождение человека, а затем обнаружить тайну биографии (своего рода «лингвистическая экспертиза»): повествователь раскрывает прячущихся под личиной странников преступников. Речь позволяет «разгадать» человека. В этом рассказе сам факт разгадки (причем двойной, в совсем маленьком тексте «смонтированы» два аналогичных эпизода) составляет главное событие, а слово в нем — главный герой.

Работа Даля над рассказом состоит в том, чтобы соединить поучительную или развлекательную историю и собственно разговорную речь с ее особенностями. При этом часто свободная разговорная стихия берет верх над сюжетом, увлекает повествователя за собой, и тогда истории теснятся на небольшом пространстве текста, иногда прилаживаются друг к другу, как случайные соседи, за отдельное слово или фразу цепляется новая история, — как в приятельской беседе, где инициатива переходит от одного к другому, без строгого порядка, но с оживленной непринужденностью. Вот как начинается рассказ «Кандидаты»: «Да чего же, скажите, нельзя употребить во зло и чего не су-

меет человек — или даже обстоятельства — перевернуть наизнанку? Я вам расскажу замечательный пример по этому случаю, пример, который не выходит у меня из головы в течение пятнадцати лет». Это начало напоминает ответную реплику диалога; как будто читатель «подключается» к беседе, как раз успев к началу занимательной и поучительной истории: «Между тем послушайте, что из этого вышло». Далее следует печальная повесть о том, как отец ради детей наложил на себя руки. Но такой трагический финал, видимо, не устраивал Даля: по логике беседы, печальную историю надо, «разряжая обстановку», скрасить какой-нибудь другой — если не смешной, то, по крайней мере, курьезной. Поэтому рассказ на этом не заканчивается: «Не хороша твоя повестушка, — сказал один из собеседников после всеобщего молчания, вскочив с места и выколачивая трубку; — моя будет лучше, только что короче воробьиного носа...». И действительно, дальше следует небольшой анекдот на ту же тему — поступления в учебное заведение. Печальный финал одной истории скрашивается веселостью другой. Правда, завершенности от этого рассказ не приобретает; наоборот, финал остается открытым, беседа, диалог продолжаются.

Диалог в рассказах Даля часто становится, таким образом, основным динамическим механизмом развития сюжета. В остальном несюжетное повествование распадается на фрагменты (отдельные мини-новеллы), картины, такие как «Картины из русского быта» (ср. жанр фрагмента, характерный, например, для немецкого романтизма). В Гофман в статье «Фольклорный сказ Даля» среди стилистических приемов писателя называет «внутри-сказовый диалог»³, имеющий конструктивное значение не только в сюжете (как механизм интродукции, например), но и в стилистической системе, где техника монтажа объединяет разнородные сказовые явления («болтовня», письменно-литературные штампы и др.)⁴. Такой монтаж, в свою очередь, порождает стилистические противоречия. Они проявляются и на синтаксическом, и на лексическом уровнях; например, в рассказе «Варнак»: «И что за причуды и бессмысленные затеи роятся в своевольном сердце нашем, *отколе* берутся они и куда *норовят*?». Здесь в одном высказывании сталкиваются две противоположные стилистические тенденции, имеющие принципиально различное происхождение: с одной стороны, это риторический вопрос, то есть стилистическая и синтаксическая форма, укорененная в литературной, книжной традиции, ее функция — обобщающая и отчасти нравоучительная. Просторечная лексика (*отколе*, *норовят*), кажется, вступает в отношения конфликта, контраста с риторикой. Между тем про-

сторечия как раз призваны нейтрализовать риторику, «очеловечить» ее, «индивидуализировать», приблизить к разговорной стихии — в этом рассказе особенно заметна установка на приоритет устного слова, потому что формально повесть персонажа о себе подается в письменной форме — повествователь находит записки своего умершего приятеля, в которых тот в «просторечной» форме передает историю своей жизни, небольшую нравоучительную исповедь⁵.

И наконец, в прозе Даля может преобладать «словарная» составляющая, мозаика, орнамент из готовых языковых единиц. В. Гофман утверждает, что «метод использования готовых сюжетов, готовых конструкций был для Даля вполне правомерным»⁶. Причем «каталогичность» приемов Даля отзывается не только в сюжетных схемах, и в стилистике повествования: «Даль своеобразно выпячивал типичные признаки стилистических форм, благодаря чему его сказки принимали характер каталога «языковых», стилистических приемов»⁷. Но дело не только в утрированности стилистических приемов, а еще и в том, что проза Даля имеет метаязыковые свойства: Даль фиксирует явления языка и речи, насыщая ими художественный текст, стараясь как можно полнее актуализировать свой языковой материал. Так, иногда речь персонажей оказывается буквально смонтирована из пословиц, «нанизываемых» по ассоциативному или какому-то другому признаку. Например, так общаются между собой игроки в шахматы в повести «Отец с сыном (Старая погудка на русский лад)»: «Я тебе улюю щей на ложку, погоди! Говорил хозяин, сделав прехитрый ход конем. — Ваша воля — наша доля, отвечал задумавшись противник его, и сделал сам хороший ход, между тем как старик затянул было опять ту же песню: «я тебе улюю... вот он каков!» продолжал он, «не трусит: умер, а глядит... боек ты, боек — постой, я тебя утомоню... кабы на горах не мороз, так оно бы и через тын перерос... Не суйся ж наперед отца в петлю». Или: «Своя воля — сполга горя; как мне, так и ему: оба луки, оба туги; у него кутние зубы все вышли, не ребенок; на него распашонки не наденешь. Сын-то он мой, а ум у него свой. Ну, не слушается отца и матери — послушается телячьей шкуры» и т. д. По сути, перед нами диалог общих мест, речевых привычек. Мнения персонажей расхожи, часто состоят из штампов и общепринятых нравоучительных истин (например, в рассказе «Вор»): «Сказано — не укради; вор всякое разорение чинит и не кается, злобствует противу рода человеческого; поваженный, что наряженный, кто раз украл, воровать не перестанет; исправление вору — петля да осиновый сук». Однако важны не сами общие мнения, а то, как они выражаются. Как и во многих других рассказах, в центре внимания здесь оказываются пословицы и поговорки.

В отдельных случаях фразеологические единицы разворачиваются в сюжет всей новеллы или рассказа: «Грех на совести — что шило в мешке» и т. п.

Обилие пословиц, поговорок, приговорок и пустоговорок (целых рядов поговорок, «сложенных складно, без большого смысла», как писал Даль в статье «О русских пословицах») можно воспринимать как признак устной речи, характерный для определенного сословия (и определенного типа мышления, в общем, едином бытовом и культурном контексте). В стилистическом плане это реализация «болтовни», шутовского начала⁸, разговорной стихии, ср. названия — «Две былины», «Два сорока бывальщинок», «Другая круговая беседа», «Старая погудка на русский лад» и т. п.

В свою очередь, текст рассказов и повестей можно рассматривать в соотношении с «Пословицами русского народа», и тогда он может быть прочитан как своего рода иллюстрация к сборнику, предстает уже не как дословно зафиксированная действительность, а как средство актуализации языкового материала. В такие же отношения может вступать текст рассказа или повести с лексикой, с отдельными русскими диалектными и редкими словами, например в рассказе «Бред»: «Помню, что некто называл так истасканную одежду свою, ошурки, обноски, отопки, никуда не годные пожитки, зовомые также хламом, бутором, даже шарабарой». Или там же: «Думаю, что в окрестных селах босые ноги уже спускались с полатей, кутников, коников, голбцев, лавок и печей». Перечисление различных названий одних и тех же или сходных предметов носит скорее не информативный, а декоративный характер: слова становятся украшениями, роскошеством, они «играют» уже сами по себе, даже не имея существенного отношения к сюжету рассказа. Даль как будто с гордостью демонстрирует все богатство своей «коллекции». В то же время перечисление названий одного и того же предмета в разных областных вариантах во втором случае придает широту, охват взгляду: просыпаются все и везде, просыпается весь «разноречивый» русский мир. В таких перечислениях соединяются «социальность» и «вещественность» слова: «Портной назвал бы вещь эту полною парой, служащий мундиром, иной халатом, а крестьянин тяжелком, как зовет он рабочий заплатанный зипун свой» (из того же рассказа «Бред»).

Даля-прозаика волнует «подлинность» языка. Так, искусственно сочиненные пословицы он называет «изречениями кондитерской премудрости» и не включает в свой словарь «умничаньем искаженных и столь удачно названных галантерейными выражений полукупчиков,

сидельцев, разночинцев и лакеев»⁹. И в повести «Отец с сыном» в сравнении с характерной купеческой речью, основанной на многовековом опыте, претенциозная речь разночинца явно проигрывает из-за своей напыщенности, искусственности: «Истинно так; свет нынче избаловался; одна порча нравственности первенствует...» Или: «Подвергнуть бы его отеческим взысканиям...»

Передача устного слова отнюдь не ограничивается поговорками и диалектизмами. Отличительной особенностью далевских рассказов и повестей также является разговорный синтаксис, грамматика устной речи персонажей, которая временами затрудняет прочтение и затемняет смысл. Например, из рассказа извозчика в «Двухаршинном носе»: «Вот у нас в ину пору, например, номерной староста кого вздумает прижимать, коли из чести не дашь ему полтинника за выправку нумера: так чем ему взять? Вот он и пойдет наряжать тебе раз в раз, как требуют извозчика в часть, глядеть, когда над нашим братом расправа бывает, за какую провинность; вот он и наверстает тебе на то же, и полтиннику не рад будешь, а того гляди, без хлеба останешься».

Для адекватного понимания такого текста, очевидно, требуется большой реальный и языковой комментарий. Однако комментарий в задачи Даля не входит: читатель должен окунуться в реальную речевую среду, речевую ситуацию; писатель стремится если не дословно передать, то, по крайней мере, создать модель такой ситуации. Так что когда авторский комментарий (сноска) у него все-таки встречается, это выглядят не то что несостоятельно, а скорее даже провокационно. Например, так: «Думали: где правда, коли не у Спаса (*)...» И в сноске: «Известная старинная поговорка» («Отец с сыном»), притом, что к другим поговоркам комментария не дается (в более поздней редакции и эта сноска снимается, вводится в текст в скобках).

Самоценность жанрово и стилистически маркированной речи, несмотря на ее часто заведомую смысловую «непрозрачность», для Даля несомненна, почему она может быть подчеркнута и оправдана повествователем: «Что ж? — спросил спокойно старик: — губные старосты, что ли? аль опять разбойный приказ? — Заметим, что в то время, когда это происходило, давно уже не было этих мест и званий, но собеседники наши понимали друг друга и в подобных случаях даже глаз-на-глаз, всегда выражались иносказательно».

Устная стихия захлестывает прозу Даля: болтовня и балагурство выступают как объект изображения и стилизации и перерастают в стилистический прием, и одновременно выполняют сюжетобразующую роль. Диалог, разговор, беседа становятся динамическим фактором,

импульсом развития повествования. Так же двойко ведут себя и поговорки: выполняя роль объекта повествования (характерные признаки купеческого или крестьянского сословия), они превращаются в характерный, самодовлеющий признак стиля. Разговорно-ассоциативный принцип построения часто преобладает в рассказах и новеллах Даля, где на нить повествования нанизываются истории, слова и поговорки с поговорками — мини-сюжеты, топические картины. Причем «новые» слова и вещи, которые вводятся таким образом в литературный обиход, как правило, не получают объяснения; очевидно, затрудненность чтения входит в состав художественной стратегии писателя. «Иллюстративный» материал, которым часто кажется проза Даля, на самом деле создает только некоторый сюжетный контекст, она «изображает» простонародную и диалектно окрашенную речь и языковые единицы, не комментируя и не вполне «интегрируя» их в общепринятый литературный стиль. Парадоксальным образом живая разговорная речь оказывается изолированной, замкнутой в самой себе, «словарной». Возможно, именно поэтому проза Даля, дав мощнейший стилистический толчок развитию сказовой традиции, сама остается языковым «заповедником».

Примечания

- ¹ Даль В. И. О наречиях русского языка // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. XLVIII.
- ² Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. М., 1979. С. 74.
- ³ Гофман В. Фольклорный сказ Даля // Русская проза: Сб. статей / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. М., 1926. С. 259.
- ⁴ Там же. С. 252, 253.
- ⁵ Вообще, поучительное начало, связанное с риторикой, в далевской прозе очень развито. Причем поучительность его очень «народная», это поучительность пословиц и поговорок, обобщенная и неличностная; ср. в статье «О русских пословицах»: «У каждого народа не только свой язык, как запас слов или звуков, но и свое красноречие и своя складка ума, т. е. своя риторика и своя особенная форма логики». Таким образом, внешняя форма, стиль — обилие пословиц и поговорок — неотделимы в его прозе от функционального назначения текста, его нравственно-идеологической составляющей.
- ⁶ Гофман В. Указ. соч. С. 246.
- ⁷ Там же. С. 256–257.
- ⁸ Гофман В. Указ. соч. С. 253.
- ⁹ Даль В. И. О русском словаре // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 1. С. XXXVIII.